

Виктор Квашин

ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ ИМПЕРИИ

Виктор Квашин

**Последняя крепость империи.
Легко сокрушить великана**

«Издательские решения»

Квашин В.

Последняя крепость империи. Легко сокрушить великана /
В. Квашин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852049-5

Захватывающий исторический роман повествует об одной из самых могущественных в XII — XIII веках Золотой империи чжурчжэней. Показана история этого государства, его ожесточённая борьба с армиями Чингисхана. Приводится уникальная информация о последнем осколке империи на территории современного Приморского края. Показаны обычаи, верования, ремёсла, другие аспекты жизни всех слоёв населения. Книга написана на основании исторических данных и последних археологических исследований.

ISBN 978-5-44-852049-5

© Квашин В.
© Издательские решения

Содержание

Историк	6
Пайцза	6
Часть 1. Урахайская любовница	9
1	9
2	12
3	14
4	16
5	18
6	20
7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Последняя крепость империи Легко сокрушить великана

Виктор Квашин

Иллюстратор Ольга Ничипурук

Дизайнер обложки Владимир Квашин

© Виктор Квашин, 2018

© Ольга Ничипурук, иллюстрации, 2018

© Владимир Квашин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-2049-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Летописи описывают лишь значимые события прошлого, а археология предоставляет их фрагментарные материальные остатки. Поэтому совокупность этих данных не дает возможности в полной мере представить происходившее много веков назад. Это касается и истории империи Цзинь. Книга Виктора Квашина «Последняя крепость империи» позволяет окунуться в события финального периода империи Цзинь через жизнеописание главного героя.

Судьбы конкретных людей – это плоть и кровь истории. Водоворот описываемых событий затягивает, читатель оказывается в разных местах чжурчжэньского государства и участником многих исторических событий, получает возможность примерить все это на себя.

Кроме того, эта книга представляет собой свод интересных сведений о средневековом Приморье и может быть рекомендована для дополнительного чтения по курсу «История Приморья». Книга будет интересна школьникам, студентам, краоведам и всем, кто интересуется историей родного края.

Доктор исторических наук Ю. Е. Вострецов.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Историк (Россия, Приморский край, 2013 год)

Пайцза

Николай Фёдорович Ильмаков возвращался с пасеки. Не со своей, Ивана Лучкина, старого, ещё со студенчества, товарища. Вместе на истфаке учились, даже в институте пару лет в одном отделе работали. Потом Ваню жизнь закрутила, жена ушла, он в моря подался, потом ещё куда-то и вот, на пенсии осел на границе заповедника, завёл пчёл и качает «правильный» мёд.

А Николай каждое лето старается выкроить неделю от всех самых срочных и важных дел и едет к Ивану на пасеку. Конечно, за мёдом! Такого мёда на рынке не купишь. Флягу берёт на весь год.

Но и не только ради мёда едет в такую даль Николай Фёдорович. Манит сама обстановка таёжной заимки у шумного ледяного ключа под липами-великанами, почему-то кажущаяся романтической работа по откачке мёда, когда ты, хоть и защищённый сеткой, работаешь в туче жужжащих насекомых, когда густой, золотой как смола мёд толстой колбаской медленно вытекает из медогонки и пластами, изгибаясь, укладывается в посудину... А вечерами у костра разговоры под медовуху, и можно никуда не спешить. «Эх, самому что ли пчёлами заняться? – подумалось Николаю Фёдоровичу. – Да куда там! Надо спешить в город, через неделю конференции, а тезисы ещё не дописаны».

Пыльная грунтовка на спуске с перевала кончилась. Николай Фёдорович вырулил на асфальт и добавил газу. Встречное солнце слепило. В машине терпко пахло свежим мёдом и пергой. Одинокaя пчела, жужжа, билась в заднее стекло. Справа, за селом Сергушовкой открылась панорама речной долины с живописными скалами на противоположном берегу, а слева... Слева до щемящей боли знакомые очертания Шлыковского городища¹! Крутые, почти обрывистые зелёные безлесные склоны сопки по гребню увенчаны хорошо заметным знающему человеку земляным валом, который четырёхкилометровой лентой опоясывает амфитеатр овального межсopочного пространства площадью сорок пять гектаров, в котором восемь веков назад жил средневековый город!

Кадры воспоминаний молодости наперебой проявлялись из памяти. Какие были времена! «А чего я как дурак, всё откладываю каждый год? А вот заеду, хоть на полчаса, хоть глянуть...»

Возвращаться в места прошлого бывает больно, и Николай Фёдорович это знал. Но тут была самая безвинная юность, самое начало всего, что случилось позже. Да и придётся ли ещё, годы-то какие...

Он решительно свернул влево у двух баракoв бывшего железнодорожного разъезда (студенты тогда за самогонкой сюда бегали), проехал по просёлку среди заросших полынью полей к небольшой ивовой рощице – единственному месту с водой и тенью на всём пространстве долины, как раз напротив нижних ворот древней крепости. Здесь всегда ставили лагерь археологической экспедиции. Дальше метров пятьсот пешком. Оказалось, тропа к городищу среди двухметровой полыни сохранилась.

Конечно, это была не «та» тропа. По «той» почти тридцать лет назад возили тачки, носили носилки, а вечерами парочки ходили в обнимку. Больше сотни только студентов

¹ Городищем в археологии называют остатки древнего укрепленного поселения.

и школьников – добровольных помощников работало на раскопках. А он, Николай, носил гордое и загадочное звание инженер-исследователь! Самостоятельно руководил раскопом на территории отдельного чжурчжэньского жилища, дай бог памяти, да, №114 по общей нумерации городища. И была Галочка Яшкина, студентка. А в следующем году, когда он копал сразу два жилища, 122-е и 123-е, Галчонок была уже на преддипломной практике. И он ей помогал с дипломом. И они прятались на дальнем отработанном и заросшем раскопе под развесистой дикой сиренью... А потом приехал на практику этот гад Мишка Звонкович. И увёл Галочку.

Чёрт, столько лет прошло, а обидно до сих пор – увёл! Увёз в Новосибирск. Теперь она Галина Ивановна Звонкович, доктор исторических наук. А Мишка – академик! Так-то вот – женское чутьё.

Ладно, нам и докторской достаточно. А ведь как она: «Коля, останемся друзьями». Остались. На конференциях пересекаемся. Подходит в кулуарах, по животу погладит: «Растёшь, Коля? Как супруга? Как внуки?» «Ты тоже не отстаёшь, Галчонок. А твои внуки замуж ещё не вышли? Про супруга не спрашиваю, насмотрелся на него на трибуне полтора часа во время доклада...»

Николай Фёдорович пробрался в распадок. Здесь росли ивы и клёны. Слева обозначился чёткий контур вала в районе южных ворот. На влажной земле множество следов косуль и кабанов. По-видимому, тропу больше поддерживают звери, чем люди. Амфитеатр городища покрыт прозрачным дубовым лесом и кустарником. Понятно, копытным есть чем поживиться. И не только им, вон, бурундук, хвостик трубой, поскакал прочь.

Тропинка вела вдоль распадка с ручейком. По обеим сторонам виднелись заросшие травой и кустарником площадки раскопов. Внизу, недалеко от входа, на правом берегу большие прямоугольники литейных и кузнечных мастерских. Выше пошли террасы жилищ ремесленников. Да-а, теперь не копают. Денег нет. А в наше-то время раскопки каждое лето. Три сотни построек раскопали! Каждый отчёт за полевой сезон по информативности и новизне на диссертацию тянул. Находок – тысячи. А материал какой! Помнится, за обнаруженную в раскопе позолоченную статуэтку Будды школьник Дима получил целых две банки сгущёнки!

Теперь исследования иные. Наверное, более фундаментальные, с применением современных инструментов и методов обработки. Но как-то всё скучно, пропала романтика. А может, это от возраста только так кажется?

Николай Фёдорович постоял, поднял обломок серой средневековой черепицы, повертел, выбросил. Сколько её выкопано, этой черепицы – горы!

Повернул обратно. Он с трудом узнавал очертания местности, приметы когда-то наизусть знаемых древних жилищ и мастерских. А ведь экскурсии даже водил по городищу для значительных гостей, наезжавших к археологам после очередной публикации в прессе.

Да, сколько перекопано, сколько написано, сколько слов сказано на конференциях! А много ли, по сути, мы знаем о тех чжурчжэнях²? Теперь вон, свобода слова – вообще кто что хочет, то и пишет. Договорились до того, что самого Чингисхана не было вовсе. И ведь верят. Не переубедишь – они читали! А чем переубедить-то на самом деле? Знаем только осколки материальной части. А о чём эти чжурчжэни думали, мечтали, как на мир смотрели – одни предположения. Эх, побывать бы в чжурчжэньской «шкуре», увидеть бы всё своими глазами!

Размышляя, Николай Фёдорович машинально смотрел под ноги – искал. Глаз археолога «зацепился» и теперь автоматически выбирал среди травы и камешков очертания битой керамики.

² Чжурчжэни – иначе чжуличжэнь, нюйчжэнь, нюйчжи, джорууджон – племена тунгусского происхождения, населявшие с древних времён восточную часть современного Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), Приморье и Приамурье. Титульное население государства Цзинь (Айсинь Гурунь, Алтун (1115—1234 гг.).

На выходе из распадка постоял у бывших крепостных ворот, осмотрелся. Представил, как шли на штурм монгольские пехотинцы, как свистели над их головами стрелы со свистульками и зажигательной смесью, летящие в крепость, и бронебойные стрелы обороняющихся, летящие в штурмующих. «Да, возможно так всё и было...»

Он брёл по тропе к ивам, освещённым заходящим солнцем, и всё смотрел под ноги. Ковырнул ногой железку, переступил, прошёл ещё несколько шагов, вернулся, усмехаясь своей глупости, подобрал, обтёр... Погнутая пластинка белого металла размером в ладонь, на ней рельеф. Иероглифы? Вроде бы... Это надо же! Это что же такое, неужели пайцза³? Невероятно! Ведь на этом городище уже найдена пайцза чжурчжэньского тысячника. Но если это пайцза, то почему здесь, вне крепости? Чья она? Что означала, какие права давала владельцу? Десятки вопросов взорвали сознание!

Николай Фёдорович скоренько сфотографировал место обнаружения ценной (бесценной!) находки, её саму тоже – в косом солнечном освещении.

Ехал быстро, быстрее обычного, подсознательно торопясь удовлетворить любопытство. На въезде в город не удержался, позвонил Дмитрию Рудольфовичу, специалисту по восточным языкам, с которым написана не одна совместная статья.

– Дима, а можно ли к тебе заскочить? Я с пасеки, медком угощу...

Уже в темноте припарковал машину у старой пятиэтажки, поднялся на этаж. Двухкомнатная «хрущёвка» несла отпечаток холостяцкой жизни. Николай Фёдорович пожал руку хозяйина, сунул ноги в стоптанные шлёпанцы и направился на кухню.

– Вот тебе, Дима, медок. Прямо от Вани Лучкина.

– Да куда мне столько? – Дмитрий приподнял трёхлитровую банку и снова опустил на стол. – Я и за год это не съем, ты же знаешь.

– А это тебе премия, оплата за труд, так сказать.

– За какой труд?

– За ночной. Ты же сейчас будешь переводом заниматься. И я уверен, не откажешься. А мозгу твоему глюкоза нужна. Вот! – Николай Фёдорович вытащил из кармана пластину.

Дмитрий Рудольфович пару минут вертел вещицу в руках, затем придвинул настольную лампу, достал из стола лупу.

– Ну, что? – нетерпение жгло Николая Фёдоровича.

– Пока могу сказать только, что письмо старомонгольское. Внизу два китайских иероглифа: «Уважать, оказывать содействие», по-видимому, дублируют монгольскую надпись. А вот это, насколько я помню, личный знак монгольского нойона Саритая. Остальное – завтра. Словари у меня на работе.

– Так что же, это действительно пайцза монгольского военачальника?

– Не знаю. Всё может быть. Мы же учёные, Коля, не к лицу нам с тобой гадать. Надо разбираться. Давай-ка лучше чайку с Ваниным мёдом попьем... Да-а, вторая пайцза на одном городище – это сенсация. Хорошую статью об этом артефакте мы с тобой точно напишем.

³ Пайцза – верительная бирка, металлическая или деревянная пластина с надписью, выдававшаяся китайскими, чжурчжэньскими, монгольскими правителями разным лицам как символ делегирования власти, наделения особыми полномочиями.

Часть 1. Урахайская любовница (Царство тангутов Си Ся⁴, город Урахай⁵)

1

Сиантоли сидел в отделении для придворных, в самой дальней комнате с узким оконным проёмом почти под потолком. Перед ним лежал обыкновенный кухонный нож – всё, что он смог отыскать в покинутых слугами помещениях.

Город горел. Слышался треск и рёв пламени. Было удивительно, что в этом глиняном городе что-то вообще могло гореть. Дым проникал даже сюда, в княжеский двор, защищённый высокой стеной. Слышались вопли тангутов – растерянные крики потерявших надежду защитников города. Было ясно, что очень скоро монголы будут в княжеском дворце.

Сиантоли тоже был в растерянности. Он смотрел на нож и никак не мог решиться. Всё-таки был крошечный шанс, что атакующие пощадят его, узнав, что он не тангут, ведь его страна не воюет сейчас с монголами. Хотя, вряд ли быстрые на расправу плосколицы в пылу битвы дадут ему и рот раскрыть.

Ещё эта дурацкая одежда! Он усмехнулся, вспомнив, как отнял одеяние у бродячего торговца сушёными фруктами. Под халатом у растерянного ханьца⁶ совершенно ничего не было, пришлось дать ему какую-то рогожу с повозки и пару монет. Воины гоготали и над торговцем, и над самим Сиантоли, когда он натянул на себя вонючий синий халат и шапку. Хорошо, хоть свои штаны под халатом оставил. Сейчас он вообразил, как выглядит со стороны в этом одеянии. Перед смертельной опасностью надлежит иметь подобающую внешность.

Сиантоли скинул халат, отшвырнул его в угол, оставшись по пояс голым. Выдернул шпильку из отвратительно неудобного «под ханьца» узла на голове, с удовольствием распустил волосы, наскоро расчесал гребнем, всегда имевшемся в напоясном кошелье и заплёл косу. Потрогал бритый лоб, погладил косу, оправил пояс, нащупал на нём бронзового духа Предка, потёр его пальцами, прошептал просьбу: «Убереги меня Предок, если возможно, от смерти, или дай смерть лёгкую, если уберечь не можешь...» Вспомнилась поговорка деда: «Не спеши умирать!»

Во дворце слышались крики, топот. Сиантоли уселся, зажал в кулаке духа Предка и приготовился встретить свою судьбу. Жилы в животе противно дрожали. Надо было успокоиться. Дед всегда говорил: «Никогда ничего не бойся! Допустишь в себя страх – погибнешь».

Сиантоли любил деда. Дед был умным. На ежегодном жертвоприношении духам Предков рода Тохто дед рассказывал обо всех подвигах умерших родственников. Сиантоли особенно нравилось слушать о подвигах прадеда в победных войнах против киданей⁷ под предводительством первого и величайшего императора всех чжурчжэней Агуды⁸. Героическое было время!

⁴ Си Ся, Западное Ся, Тангутское царство – государство тангутов, существовавшее в 1038—1227 гг. к северо-западу от китайского государства Сун и чжурчжэньского Цзинь, на территории современных китайских провинций Шэньси и Ганьсу.

⁵ Урахай – крупный тангутский город. Осенью 1209 года монгольские войска, впервые применив осадные орудия, взяли Урахай, блокировали крепость Имэнь, дважды разбили тангутов в полевых сражениях и осадили тангутскую столицу Чжунсин.

⁶ Ханьцы – этнические китайцы, основное население северных провинций империи Сун. Ханьцы также составляли большинство населения чжурчжэньской империи.

⁷ Кидани – монголоязычные племена, населявшие территорию современной Внутренней Монголии КНР. С 916 по 1125 гг. существовала киданская империя Ляо.

⁸ Агуда – один из чжурчжэньских племенных вождей, сумевший объединить племена под своим началом, разгромить войска вечных противников чжурчжэней – государств Корё и Ляо, и создать единое сильное государство. Агуда официально принял титул императора в 1115 г. Новую империю и династию он назвал Золотой (Айсинь Гурунь – по-чжурчжэньски,

После возлияний в честь предков, дед рассказывал о своих боевых походах, особенно о битвах с монголами, которых тогда разгромили и разогнали по степям. «Не могут они воевать и никогда не умели, – говаривал дед. – Монголы никогда не смогут стать сильными, они способны только ночами угонять лошадей. На большее у них не хватает смелости». Дед любил показывать вещи, которые он привёз из того похода и хвастал, что ему достались хорошие рабы-скотоводы. Как тогда завидовал Сиантоли деду! Казалось, героические времена прошли, и на его долю уже не осталось настоящей войны. А он так мечтал о подвигах!

Домечтался! Сейчас придут вонючие скотоводы и зарежут, как барана, и даже такую смерть никто не будет видеть...

На кухне загремела посуда, завизжала женщина, послышался мужской смех, монгольские возгласы. Сиантоли с детства понимал монгольский, научился от рабов. Особенно легко мальчишкам запоминались ругательства. И сейчас, когда двери вылетели и в проёме появились трое плосколицых, а один из них натянул лук, Сиантоли понял, что жить ему осталось всего мгновение, потребное для полёта стрелы. Он вскочил с ножом в руке и неожиданно для самого себя разразился жуткими, самыми скверными монгольскими ругательствами, от которых в детстве у него всегда краснели уши. Монголы переглянулись и расхохотались. Они могли смеяться – у них сегодня был явно удачный день. Тот, что с луком, опустил стрелу.

– Ты кто такой?

– Я – чжурчжэнь! – выкрикнул Сиантоли и добавил ещё несколько крепких монгольских слов.

– Что же ты за нож схватился? Наш хан с вашим не воюет, – всё ещё смеясь, сказал тот, что с луком. – Сдавай своё грозное оружие и выходи.

Сиантоли вдруг тоже стало весело. Он понял, что будет жить, по крайней мере, сейчас его не убьют. Он воткнул нож в столешницу и шагнул между расступившимися воинами. В тот же миг затылок его, показалось, лопнул, он ткнулся лицом в пол и потерял сознание.

Очнулся от боли в вывернутых плечах. Его тащили по длинному коридору за связанные локти. Поставили перед монголом, развалившимся в роскошных княжеских подушках. Их взгляды встретились, и оба поняли, что знают друг друга.

– Утверждает, что чжурчжэнь, – доложил сопровождающий.

– В особую его!

Сиантоли потащили дальше. Он силился вспомнить, где видел этого монгола.

– Эй! Верните его, – раздалось позади.

Воины приволокли Сиантоли обратно, поставили напротив командира, отпустили. Он удержался на ногах.

Командир дал знак воинам удалиться.

– Помнишь меня? – уставил глаза-шильца из-под тяжёлых век. – Помнишь, или я ошибаюсь?

– Хинган, десять лет назад? – просипел Сиантоли непослушными губами.

– Помнишь! Я тоже не забыл – монголы добро помнят. Почему ты здесь?

– Не скажу, это не мой секрет.

– Ладно, сейчас иди, куда ведут. Когда спросят, скажешь, что ты простой торговец. Попробую тебя выручить. Эй! Уведите в особую.

Вывели во двор, под яркое палящее солнце. Дым от горящих домов, смрад горелого мяса, несколько зарубленных и заколотых тангутов, один с разорванным животом ещё корчится под стеной, никто на него не обращает внимания. Кровь впере мешку с пылью. Война.

Провели на тыльный двор. Сиантоли узнал – тюрьма. Теперь в ней уцелевшие хозяева дворца. В яме под решёткой плотно набиты люди низкого достоинства. Им тесно, жарко, мно-

гие в крови, стонут. Сиантоли, к счастью, провели мимо, в постройку. Там были камеры для людей более высокого ранга. Развязали, втолкнули в помещение с дырой в потолке. На земляном полу солома. Это хорошо. Опустился, прилёг – живой!

Присмотрелся – в камере ещё пятеро. Один ханец, судя по одежде писарь, остальные тангуты, вероятно, управляющие хозяйством. Повар-тангут узнал Сиантоли, приблизился, прошептал по-ханьски:

– Я вас знаю?

Сиантоли отрицательно покачал головой:

– Я не понимаю.

Незачем выявлять свои связи на людях в такой обстановке. Конечно, он помнил этого повара. Этот человек встретил его как сунского торговца на городской площади и провёл во дворец. Именно через него Сиантоли передал письмо младшей жене урахайского князя. Этот тангут устроил Сиантоли в комнату для кухонных слуг. И он же привёл вечером молоденькую служанку, чтобы Сиантоли не скучно было ожидать ответа княжны.

2

Сиантоли улёгся под стеной, спиной к остальным. Стал рассматривать причудливый узор рубленой травы в глинобитной стене.

Ах, какая замечательная эта служанка! Она так искренне, так радостно отдавалась! Не то, что жена...

Мысли переметнулись в родное селение. Как там отец? Он сильно сдал после смерти матери. Как жена и дочь? Интересно, жена будет плакать, если его убьют? Ну, хоть чуть-чуть? Наверно, не будет...

Сиантоли втайне побаивался свою жену. Уже тринадцать лет минуло, как отец Сиантоли вместе со старшим братом поехали воевать татар. Брат обещал привезти богатую добычу. Сиантоли чуть не плакал, когда его не взяли под предлогом, что он ещё не прошёл посвящение. Домой отец вернулся один. После поминок у погребального костра, на котором сожгли одежду и вещи брата, отец приказал готовиться к посвящению. Через одну луну Сиантоли стал мужчиной и принял в наследство от брата его дом, жену и дочь Чикчиги⁹. В двенадцать лет он стал мужем и отцом.

Чикчиги было 3 годика, они дружили, Сиантоли защищал её и играл с ней как с подружкой. А жена посмеивалась над юным мужем. У него не получалось быть с женой строгим, как того требовал статус настоящего мужчины. И по ночам у него с ней не очень-то получалось, и она иной раз смеялась над его неудачами, а иногда злилась целыми днями.

Как он обрадовался, когда через два года объявили о новом походе по «сокращению совершеннолетних» монголов! Такие походы проводились регулярно раз в три года, чтобы плосколикие не слишком плодились и не могли создать свою армию. Это всегда была лёгкая война и люди шли на неё охотно, особенно молодёжь. Отец ворчал, что лучше бы совершали набеги на Сун¹⁰ или Корё¹¹, где настоящие богатства взять можно, да и мастеров привести для хозяйства. А эти монголы кроме скота ничего и не знают, да и рабы из них злые, как бешеные псы.

Начали подготовку к походу с ранней весны. Готовили коней, упряжь, доспехи, оружие. Учились отрядом выполнять команды, упражнялись стрелять, биться на копьях, ездить строем и падать с лошади. Хоть чжурчжэнь и «родится с луком в одной руке, а стрелой в другой», а перед войной все тренировались прилежно.

Сиантоли старался. Наконец осуществится его мечта – повоевать! Кроме того, нужно было кормить и обеспечивать семью, платить ули – налоги в казну империи, а на войне добывать средства гораздо легче и веселей, чем работая с утра до вечера в своём хозяйстве. Хотелось привезти богатые трофеи, чтобы жена наконец оценила и заважала.

Поход оказался утомительным, до монгольских земель добираться было долго. В тот раз армией командовал славный полководец Ваньян Цзунхао¹². Трудно дался горный хребет Хинган. За ним, на равнине основная армия двинулась на главные силы хунгиратов, которые и являлись целью «сокращения». Малым отрядам, одним из которых была сотня из селения

⁹ Чикчиги – Овсянка, красиво поющая птичка.

¹⁰ Сун, Империя Сун – государство на территории современного Китая, существовавшее с 960 года. Характеризовалось бурным развитием торговли и ремёсел, значительным ростом населения. В 1127 году северная часть территории Сун до реки Хуанхэ была завоёвана чжурчжэнями и в 1141 году в соответствии с договором официально вошла в состав империи Цзинь. Южная Сун существовала по 1279 год.

¹¹ Корё – государство на Корейском полуострове, появившееся после падения государства Силла в 935 году и существовавшее до 1392 года.

¹² Ваньян Цзунхао – выдающийся чжурчжэньский полководец. В 1198 году армия под его командованием совершила поход в Восточную Монголию против хунгиратов и других татаро-монгольских племён. В результате были подчинены несколько племен к западу от Хингана.

Сиантоли, досталось «подбирать крошки», то есть просто разорять монгольские стойбища, убивая мужчин, забирая в плен девушек, скот и грабя имущество.

Сиантоли обиделся, что ему не досталась настоящая битва. Отец же был доволен и говорил об этом, не стесняясь, и Сиантоли было стыдно за отца. Сам он стремился быть впереди других, в самых опасных местах. Ему дважды удалось застрелить вражеских мужчин, он был горд, и его хвалили старшие.

В одном стойбище они встретили сильное сопротивление, оборонялись даже женщины и подростки. Это был первый действительно настоящий бой Сиантоли. В первой же атаке погибли трое воинов, и это были первые убитые за ту войну. Пришлось временно отступить. Командир, у которого погиб зять, был разъярён, он приказал уничтожить всех врагов без пощады, пленных не брать.

Атака была яростной. Сиантоли, под которым ранили лошадь, ворвался в гер¹³, готовый уничтожить любого. Краткое время понадобилось после яркого солнца, чтобы рассмотреть кривонного мальчишку лет двенадцати, за спиной которого съёжилась малая чумазая девочка. Девчонка была ровесницей Чикчиги. Татарчонок стоял, сжав кулаки, расставив ноги и выпятив грудь – он готов был встретить смерть. Они столкнулись взглядами, и Сиантоли, помедлив, опустил натянутый лук. Он вышел, запахнув полог, и махнул рукой подъехавшим землякам – «всё сделано».

Это была его тайна. После он много раз думал об этом своём поступке: хорошо он сделал или плохо? И пришёл к выводу, что убивать девчонку всё равно не стал бы.

Да, сегодняшний монгольский командир – это он, тот парень, пытавшийся спрятать девочку от неминуемой смерти. Духи свели их в самое правильное время! Сиантоли вспомнил свои мысли о самоубийстве и поблагодарил духа Предков. Дед конечно прав: «Не спеши умирать, даже если стрела уже вошла в твоё сердце».

В тюрьме было душно. Тангуты то и дело утирали пот, писарь пытался соорудить из соломы веер. Сиантоли мёрз, его била дрожь. Он давно уже пожалел, что бросил халат торговца. Попытался укрыться соломой и ненадолго забылся.

¹³ Гер – круглый шатёр, крытый войлоками, то, что европейцы ошибочно называют «юрта».

3

Очнулся от криков, доносящихся через отверстие в потолке, в котором уже тускло светились красноватые звёзды на блеклом небе. По-видимому, с ночью пришла и прохлада, Сиантоли замёрз ещё больше. Согреться не удавалось. Оставалось просто терпеть.

Ах, как трещит голова! Проклятые плосколицы! Сокращали их, сокращали, а они, вон, воюют, да и неплохо, если наш император приказал выкупить за счёт казны у своих же чжурчжэней всех крепких тангутских рабов и отправить на родину, чтобы Си Ся могло за счет них увеличить свою армию, которую монголы бьют который год подряд. И если раньше они только грабили селенья да уводили стада, то теперь вот, взяли Урахай – город немалый и укрепленный надёжно. Похоже, немного пользы будет от бывших рабов. Они воевать-то не умеют, да и умирать вовсе не желают. Из-за них собственно и пришлось тащиться в эту жаркую пустыню от благодатного приморского климата родины.

Вспомнилось, как посыльный гонец собирал мукунь¹⁴ из его селения и округи. Сиантоли всегда был готов к походу. Одежда, латы, снаряжение, оружие хранились в отдельной кладовой. Оставалось послать мальчишку-раба на ближний выпас за боевой лошадей, раздать указания работникам, да попрощаться с женой и дочкой.

Командир сотни Дзэвэ, несмотря на своё высокородное происхождение, был другом детства Сиантоли. Мальцами они вместе искали приключения и мечтали совершать подвиги на войне.

Однажды, наслушавшись воспоминаний старых воинов о подвигах юности, договорились украсть лошадей. Табун выбрали большой, хозяином которого был отец Дзэвэ. Это было неважно, главное – ощущение подвига. Подкрадывались друзья полдня. Наконец, ближе к вечеру выбрали момент и заарканили по лошади. Животные испугались, стали рваться и оказалось непросто взобраться на их потные спины. Подоспели охранники и мигом скрутили юных похитителей. Дзэвэ ругался, кричал, что отец заперет их насмерть за издевательство над сыном. Но охранники на это не очень-то реагировали. Один из них запряг лошадь, друзей забросили в крытую повозку и повезли. Было ясно, что везут в деревню, а значит, отец Дзэвэ узнает о проступке и обоим не поздоровится. Дзэвэ в бессильной ярости даже заплакал. Сиантоли сказал ему повернуться на живот и зубами перетёр верёвку на запястьях. Ободренный Дзэвэ мигом развязал Сиантоли, и они тихонько прыгнули с повозки.

Когда они лесом пробрались в деревню, их уже ждал посыльный от отца Дзэвэ. Они предстали перед строгим лицом начальника округа. В комнате находился и пастух, от которого они сбежали.

– Эти? – спросил благородный Ши Даоли.

Пастух поклонился утвердительно.

– Отец, как ты можешь верить этому рабу! – воскликнул Дзэвэ.

– Что ты имеешь в виду? – спросил отец. – Я разве обвинил вас в чём-то?

Дзэвэ молчал, он понял свой промах.

– Ну, если ты сам напросился, я спрошу: вы ли пытались украсть лошадей из моего табуна?

Дзэвэ молчал. Молчал и Сиантоли.

– Хорошо. Тогда скажи мой сын, может, твой дружок низкого происхождения пытался украсть моих лошадей, а ты хотел помешать ему?

– Нет, – чуть слышно прошептал Дзэвэ.

¹⁴ Мукунь – Сотня. Регулярная чжурчжэньская армия состояла из сотен, тысяч и десятков тысяч. Каждые 300 семей составляли мукунь, они обязаны были поставить в армию 100 воинов.

– Хорошо. Тогда ты, Сиантоли, скажи, зачем вы решили похитить лошадей? Только говори честно, не то велю применить жестокость!

Сиантоли знал, что такое жестокость, он подсмотрел однажды, как пытали беглого раба, и это видение много ночей после не давало ему спать спокойно. От воспоминаний и теперь бросило в пот. Он отрицательно покачал головой.

– Мы не воровали, господин.

– Отец, зачем ты веришь рабу и не веришь своему сыну? – воскликнул Дзэвэ.

– Я верю этому рабу, потому что он много лет оберегает мой табун от воров, которые гораздо умнее вас, сосунки, и он никогда не попытался обмануть меня. Он, хоть и раб волею духов, но честный в отличие от вас! Значит, мне придётся применить к вам жестокость. Эй! – вызвал он слуг. – На конюшню их, пороть, пока не скажут правду! Обоих!

Конечно, это была напускная строгость. Им врезали по десять плетей, после каждого удара приказывая:

– Говори, кто лошадей воровал!

Они оба молчали, кусая губы. Было очень больно! Потом их вновь поставили перед суровым отцом Дзэвэ. Он, насупив брови, долго смотрел на заплаканные лица мальчишек.

– Молодцы! – неожиданно изрёк он. – Молодцы! Так и нужно поступать! Никогда не выдавай друга и не бросай в беде, тогда и друг тебя не бросит. Так надо жить. Вы теперь почти братья и должны держаться друг за друга и защищать, чем бы это не грозило! Идите с глаз моих!

То ли слова мудрого Ши Даоли были пророческими, то ли духам так было угодно, но Дзэвэ и Сиантоли действительно были почти всё время вместе и помогали друг другу. Как и положено, Дзэвэ был всегда старшим по должности, но и Сиантоли не без помощи высокородного друга продвигался ему в затылок. Вот и в Чжунсин, столицу Си Ся они прибыли вместе, сопровождая выкупленных у чжурчжэней рабов-тангутов.

Друг Дзэвэ не мог удержаться от авантюры, он непременно желал вызвать к себе любовницу, молодую жену князя. Дзэвэ, в отличие от Сиантоли легко привлекал женщин, и вот, в прошлый приезд сумел склонить к измене даже княжну. Он так много рассказывал Сиантоли о своих любовных похождениях и прелестях красавицы тангутки, что тот даже переживал, как у них всё получится в этот раз. Дзэвэ написал любовнице письмо, чтобы она под видом поездки за покупками выехала в столицу, где они смогут встретиться вдали от мужа и нежелательных глаз. И понятно, что послать с таким письмом мог он только Сиантоли. Смеялись вдвоём над предстоящим приключением и над «старым олухом» урахайским князем. Досмеялись...

4

За пределами тюрьмы снова слышались голоса, крики приказов, вопль боли. Сиантоли обратил внимание, что потолочное отверстие уже посветлело. Утро. Что принесёт день? Глядя в светлеющий кусок неба, он взмолился всем духам, которых знал, чтобы уберегли от гибели. Ту же просьбу повторил зажатому в кулак духу Предка. Сиантоли очень хотел жить!

Вошли монголы, увели писаря. Через некоторое время увели остальных. Сиантоли остался один. Стало тревожно. Он прошёлся вдоль глинобитной стены, расшатал треснувший кусок обмазки, расковырял трещину между переплетёнными прутьями. В получившуюся дыру стала видна часть тюремного двора. У высокого дувала – глинобитной стены княжеского двора сидел на возвышении из горы подушек, явно притащенных из княжеской спальни, монгольский нойон¹⁵ в шёлковом халате. По бокам стояли его личные стражники, чуть в стороне несколько монгольских командиров. Немного левее от начальника высилось сооружение из столбов, жердей и плах с верёвками и крючьями, на котором корчился человек без лица. Над ним трудились «мастер по добыванию тайн из закрытых уст» и двое его помощников.

Сиантоли не любил пытки, хоть и понимал, что без этого разговорить хранящего секретные сведения почти невозможно, он отвёл взгляд.

Справа от главного монгола под свирепыми взглядами воинов съёжились ожидающие своей очереди недавние сокамерники Сиантоли. Среди них не было повара, и Сиантоли вдруг понял, что корчащийся на крючьях окровавленный кусок мяса – это повар и есть. Ему стало не по себе.

С другой стороны от пыточного станка на деревянной скамье сидел князь, ещё вчера властелин Урахая и прилегающей провинции, а теперь пленник презираемых им плосколицых монголов. Он старался вести себя достойно, но вид пытки явно вышибал его из равновесия. Рядом, прикрывая лица платками, стояли три его жены, около каждой по служанке.

Вдруг все обернулись к станку для пыток – повар заговорил! Сиантоли не было слышно слов, но по выражениям лиц и так многое можно было понять. Главный палач немедленно ослабил пытку, толмач склонился к голове несчастного и дублировал каждое слово для нойона. После нескольких коротких реплик главный монгол дал команду. Воины – помощники палача притащили одного из высокопоставленных тангутов, что было видно по одеждам. Теперь «извлекать тайны» будут из него.

Сиантоли снова стало дурно, он повалился на сено и кажется заснул.

Сонного, ничего не соображающего Сиантоли подняли за косу, вытолкали под слепящее солнце, бросили лицом в землю перед имеющим безраздельную власть над всем живым в этом городе.

– По-монгольски понимаешь? – спросил допрашивающий помощник.

– Да.

– Кто таков?

Перед лицом смерти Сиантоли не смог соврать. Умереть низким ханьцем, торговцем сушёными фруктами?

– Я – чжурчжэнь!

Военачальник приподнялся на подушках, расхохотался.

– Ты – гордый чжурчжэнь, растерявший почти всю одежду? Как штанов не лишился! Что же ты тут делаешь? Может быть ты лазутчик, посланный пересчитать песок в этой проклятой Небом стране?

Лёжа на животе, было трудно отвечать с достоинством.

¹⁵ Нойон – нойонами назывались крупные военачальники.

– Я не могу сказать, для чего я здесь, это не моя тайна. Но это не военное дело.

– Палач двинулся в сторону Сиантоли и тот невольно напрягся, предвидя ужасную боль. Но нойон сделал жест, указывающий на окровавленного повара. Повар стал говорить, не ожидая воздействий. Толмач громко перевёл:

– Мой господин, он говорит, что этот человек принёс тайное письмо от своего чжурчжэньского начальника для младшей жены правителя города.

Одна из жён резко задёрнула лицо платком.

Тангутский князь вскочил, сорвал с женщины платок, схватил за волосы, толкнул на землю и принялся избивать. Княжна ползала в пыли, рыдая и умоляя.

Монголы по указке командира немедленно растащили супругов. Градоначальник, размахивая руками, стал что-то быстро говорить монгольскому нойону.

– Он говорит, мой господин, – перевёл толмач с плохо скрываемой улыбкой, – что желает подарить эту неверную вашим солдатам, и чтобы он это видел.

– Что ж, пожалуй, я удовлетворю просьбу этого высокородного тангута. Чей десяток вчера первым преодолел стену Урахая?

Мигом явился молодой коренастый кривоногий воин, поклонился.

– Сколько бойцов у тебя осталось, герой?

– Шестеро со мной, господин.

Вот вам награда за храбрость – невеста на всех одна, зато княжеских кровей, любовным премудростям обучена, ненасытна, поскольку кроме мужа имела любовников. Думаю, у твоих героев хватит мужской силы усладить красавицу? Забирай! Если пожелаешь, пригласи на «свадьбу» её бывшего мужа, ему посмотреть хочется.

Визжащую девушку утащили.

– Ну, а с тобой, герой-пособник, что делать? Встань! – обратился большой начальник к Сиантоли.

Сиантоли поднялся, перепачканный пылью, но отряхиваться перед высокопоставленным монголом не решился.

К нойону с поклоном приблизился «крестник» Сиантоли, вполголоса что-то сказал. Они коротко переговорили, начальник кивнул.

– Эй ты, чжурчжэнь, кем служишь?

– Я помощник сотника.

– Монголы, слышали, как нужно служить? Кто сто писем любовнице командира отнёс, тот помощником сотника становится!

Окружающие захохотали. Сиантоли вспыхнул, но не тот был случай, чтобы показывать норов.

– Жить хочешь?

Сиантоли поклонился, ощутив животом непреодолимый страх.

– Иди вот с ним. Слушайся его, как родного отца и благодари, как родную мать, которая родила тебя во второй раз. Ослушаешься, он тебя убьёт.

Нойон сделал отпускаящий жест и повернулся к следующему пленнику.

5

Сиантоли плохо соображал, голова трещала, его всё ещё колотил озноб. А теперь, когда опасность для жизни миновала, ноги и вовсе стали ватными. Он безразлично следовал за спиной своего «спасителя». Они прошли помещениями дворца на узкую улочку, затем в другой двор, заполненный воинами, лошадьми, повозками. «Спаситель» окликнул пожилого монгола, приказал подобрать одежду для новичка. С трудом удерживая себя в сознании, Сиантоли надел халат, сапоги на войлочной подошве с узкими голенищами на шнуровке. От предложенных грязных монгольских штанов отказался, свои были лучше и роднее. На голову дали тряпичную коническую шапку с большим отворотом, украшенную полоской собачьего меха.

– Кровь высохнет хорошенько, очистишь песком, – сказал обозник, подавая кожаный нагрудник. – Зато кожа крепкая.

Конечно, всё это ещё вчера сняли с убитых, но в такой одежде Сиантоли чувствовал себя гораздо привычнее, даже уютнее, чем в халате ханьского оборванца.

Напоследок Сиантоли сунул под мышку свёрнутый в рулон войлок для сна.

Затем они перешли в другую часть двора, где Сиантоли выдали пропитанное бараньим жиром седло, стремяна и сбрую, а также комплект монгольского солдата: иголку с нитками, шило, моток верёвки, точило для заточки наконечников стрел, котелок и мешок для хранения всего этого добра и провизии.

А в соседней кибитке он получил саадак с луком и тремя десятками стрел, половина из которых были с лёгкими наконечниками, другая половина – с бронебойными, короткое копье, кистень, боевой нож, лёгкий топор и волосяной аркан¹⁶.

– Ну вот, ты становишься похожим на монгола, если бы ещё рожу другую... – рассмеялся командир.

– К чему мне оружие? – спросил Сиантоли.

– Теперь ты воин Великого хана всех монголов.

– Я служу своему императору. Не в моих правилах предавать.

– Ты ведь сказал, что хочешь жить. Служба хану – единственная для тебя возможность. И успокой коня у себя в башке, переход на службу в дружественную армию – это не предательство. Ведь наши ханы не воюют, а народы дружат, по крайней мере, так утверждают официальные протоколы.

«Чжурчжэни вообще считают вашего хана подданным нашего императора¹⁷, – подумал Сиантоли. – Но спорить сейчас не стоит. Надо повременить, пусть духи сами всё устроят. Позже всё равно убегу».

– Не забывай, я за тебя поручился, ты знаешь, что это значит, – сказал «спаситель». – Меня Жаргал зовут – «Счастливым», это моё имя с того дня, как мы с тобой встретились. Монголы добро помнят!

Сиантоли знал, что означает в монгольской армии сказать слово за человека – значит поручиться собственной головой. Этот Жаргал действительно оплатил ему большой ценой. Сиантоли склонил голову в знак окончания спора, принялся осматривать оружие.

¹⁶ В монгольской армии оружие являлось собственностью государства, оно хранилось в особых складах и выдавалось воинам при выступлении в поход или пополнению, как в описанном случае.

¹⁷ Чингисхан действительно в то время считался данником и подчинённым чжурчжэньского императора. Ещё в 1196 году Тэмуджин помог чжурчжэньскому войску разгромить татар, за что ему был пожалован чин «чаутхури» – «пограничный военачальник», что соответствовало чину сотника.

– Вот и хорошо, – сказал Жаргал. – Учитывая твой опыт, назначаю тебя десятником¹⁸. Будешь командовать Седьмым десятком. В нём семеро и осталось, все твои земляки. Их командиру вчера руку отсекли. Хорошо, жив остался...

Сиантоли понимающе кивнул. Он был наслышан о порядках в монгольских войсках: если в бою погибал десятник, всем десяти подчинённым отрубали головы, если погибал сотник, перед строем убивали всех десятников. Трусость, покидание поля боя без приказа наказывались так же. Ничего нового для Сиантоли в этих порядках не было, ведь монголы «украли» такую систему наказаний у армии великой Цзинь.

А ещё Сиантоли подумал, что «семь» счастливое число, и начинать новую жизнь с двух семёрок, это хорошо.

Солнце уже вовсю палило в темя, когда Жаргал подвёл Сиантоли к группе людей, в которых тот издали признал земляков. Сотник крикнул кому-то из обоза, принесли ковш вина.

– Он ваш командир. Слушать как отца! – с этими словами Жаргал подал Сиантоли ковш, хлопнул по плечу и улыбнулся. – Монголы добро помнят!

Сиантоли проглотил вонючее пойло, после чего раскатал войлок в тени стены и провалился в глубокий сон.

¹⁸ Монгольская армия подразделялась на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч (тумены) воинов.

6

Сиантоли проснулся, когда небо уже покрылось звёздами. Голова не болела, но тошнило. В нескольких местах двора горели костры, сидели и лежали вокруг них усталые люди. Пахло едой.

– Вставай, командир. Без тебя есть не начинаем.

Сиантоли поднялся.

Над угольями костра на трёхногом тагане стоял круглодонный котёл, из него шёл непередаваемый аромат варёной баранины! Сиантоли на правах старшего зачерпнул ковш густого жирного горячего бульона, с жадностью выпил. Выловил первый попавшийся кусок мяса, впился в него зубами. Сама жизнь вошла с этим мясом в его желудок, кровь понесла её по жилам во все части тела, и Сиантоли почувствовал всем своим существом – он жив!

Голод отозвался сильным аппетитом. Он с удовольствием грыз позвонки, высасывал из них светлый спинной мозг, пил густую жижу, пока в котле не обнажилось дно. Сиантоли ощутил, что желудок полон до самого горла, что в животе тепло и уютно, а на душе спокойно и даже радостно. Он вытер жирные пальцы о полу халата и уселся поудобнее на свёрнутый войлок. И наконец оглядел своих спутников, собственно, своих новых подчинённых, которые теперь обязаны беречь его командирскую жизнь больше, чем свою собственную.

– Благодарю за сытную еду, земляки. Давайте теперь знакомиться, раз уж боги свели нас вместе.

Люди стали называть себя, и Сиантоли сразу смекнул, что носят они имена вымышленные и скрывают тем самым настоящие. Это было понятно и объяснимо. Своё имя Сиантоли скрывать не считал нужным. Он не сделал ничего такого, чтобы можно было стыдиться собственного имени. Второго, разумеется, так сказать, публичного имени. Первое, самое настоящее знали только отец, мать, жена с дочерью и покойный брат.

Сиантоли гордился своим подлинным именем, которое дали ему при посвящении в мужчины в возрасте 12 лет. Его назвали Яэлэ – Ящерица, и этот юркий смелый зверёк стал его надёжным покровителем на всю жизнь. Сиантоли иногда повторял про себя это имя и гордился, что происходит из небогатой, но уважаемой семьи рода Тохто – рода Зелёного Дятла. Сиантоли – Драчун – прозвище для посторонних. Чужим не нужно знать настоящее имя человека, которое можно использовать для наведения беды на его владельца и его родных; вредить могут как люди, так и чужие духи, и мало ли кому может понадобиться изменить чужую судьбу.

Воины в десятке Сиантоли были разными как по возрасту, так и характерами, и большинство из них несли печать тяжёлого прошлого. Больше всех Сиантоли понравился молодой, почти юный Стрела. Наверно сам выдумал себе громкое имя. Он был родом из Западной дороги¹⁹. Младший из пятерых братьев, он хотел быстрее стать взрослым, бежал из дому с отрядом для умирения татар и угодил в плен. Пробежав за чужими овцами два года, napро-сился в проходивший монгольский отряд и воюет за Великого хана уже третий год. Сиантоли вспомнил себя в таком возрасте – да, помыслы юнцов схожи...

Наименее приятными показались Сиантоли Братья. Брат Большой – угрюмый, немного грузный, смотрит исподлобья, и Брат Малый – сухой, подвижный, глаза на месте не стоят. Может они и не братья на самом деле, но держатся друг за друга прочно. Когда Сиантоли обронил «В конце концов, все мы здесь не по своей воле», Стрела сказал, зыркнув на Братьев: «Не совсем все...» На это Брат Малый зло вспылил:

– Навоз куриный, прикуси язык, пока ему есть в чём болтаться!

¹⁹ «Дорогами» в Цзинь назывались крупные территориальные подразделения – области. Империя разделялась на 19 «дорог». В их число входили пять столичных областей – Южная, Северная, Восточная, Западная и Центральная.

Пожилой, лет под сорок Котёл перевёл разговор на дела житейские. Объяснил, что еду для всего десятка готовят один раз в день вечером, готовят по очереди или по желанию, или по назначению командира. Обычно он, Котёл этим занимается – ему нравится готовить, а людям его пища вкусна.

Выяснилось, что в сотне два десятка состоят из чжурчжэней – Седьмой и Восьмой. В Восьмом при штурме выбыли двое. На оба десятка в обозе имеется повозка для личного имущества, в том числе для трофеев. Чжурчжэням добычи достаётся мало, они и сами не стремятся, потому что не имеют ни семей, ни домов. У монголов же повозка для добычи одна на двоих или даже на одного. В нашем десятке уговор: все трофеи общие, делятся поровну. Командир имеет право хранить свою добычу отдельно. Предыдущий командир присоединился к общему соглашению на равных. Долю убитого делят на всех. Если боец уходит по ранению, забирает свою долю и ещё десятую часть от общего, потому что ему нужно лечиться и жизнь налаживать.

Сиантоли присоединился к общим правилам дележа добычи, она его сейчас интересовала меньше всего.

7

Утром сотенный отправил Седьмой и Восьмой десятки набрать команды из местных и заставить их убирать трупы, в первую очередь из мест расположения войск Великого хана. Мера была бесспорно своевременна, если не убрать мертвечину, при такой жаре не миновать мора. Местные жители, конечно, работать не желали, но тоже понимали необходимость мероприятия.

Седьмому десятку достались кварталы у южных ворот. Тут штурм был наиболее яростным, и работы по уборке было достаточно. Бойцы разошлись по уцелевшим постройкам и силой выгоняли на улицы всех без разбора, кроме разве что самых малых и слишком немощных. После этого оставалось следить, чтобы рабочая сила пошевеливалась и не разбегалась. Похоже, у воинов уже был опыт подобных занятий, поэтому всё организовалось практически без участия Сиантоли. Он сначала прохаживался по территории, заглядывал в дома, но вскоре это надоело, он уселся в тени и отдыхал, пользуясь своим командирским положением.

Через некоторое время к нему подошёл Котёл, попросил присмотреть за мешком.

– Кое-какая прибавка к котловому питанию, на ужин, – пояснил он и снова отправился на промысел, но очень скоро появился в дверях с плетёной корзиной.

– Это тебе, командир, чтобы не скучно было.

В корзинке были сушёные абрикосы и инжир. Сиантоли не без удовольствия жевал кислосладкие упругие плоды и смотрел, как четверо тангутов, один из которых был совсем старый, а другой почти мальчишка, пытались вытащить распухший труп из-под обвалившейся стены. Они то тянули за ноги, то принимались разбирать завал, но большей частью беспомощно суетились, поминутно оглядываясь на него. Сиантоли надоело это видеть, он нехотя поднялся, подошёл к тангутам. Один из них закрыл руками голову и зажмурился, будто его собираются бить. Сиантоли выдернул из завала жердь, подsunул под кусок стены, придавивший труп, приподнял, показал тангутам «тащите!». Те мигом выдернули останки и стали кланяться начальнику. «Уносите!» – показал Сиантоли и вновь уселся в тень. Даже от такого небольшого напряжения пот заливал глаза. «Как они тут живут?!» Здесь совсем не ощущалась давно уже наступившая осень. Припомнилась родная долина Елань. Какая там в это время красота – жёлтые дубы и красные клёны окрасили крутые склоны хребта Тачин-Чтан²⁰, а между ними под ещё зелёными ивами чистыми холодными струями течёт река. Как вкусна в ней вода!

Жара утомила не только Сиантоли. К полудню к нему в тень стал собираться его десяток. Первыми пришли Братья. Большой угрюмо привалился к прохладной стене и замер в таком положении, не проронив ни слова. Брат Малый вошёл во двор как-то боком, вихляющей походкой, он постоянно вытирал ладони о штаны и озирался по сторонам, с лица не сходила блудливая улыбочка. «Нашкодил где-то», – подумал Сиантоли.

За братьями пришли Котёл со Стрелой, Котёл принёс ещё корзинку с сушёными фруктами, к ней сразу потянулись Братья, а Стрела молча снял со спины мешок и положил рядом с ранее принесённым Котлом.

Ещё пара Гончар и Рыбачок (Сиантоли уже знал по именам всех бойцов своего десятка) приволокли огромный железный котёл.

– Может, поменять удастся, – сказал Гончар, – или самим сгодится.

Последними подтянулись Хохотун и Неспеша, оба загадочно улыбались. Неспеша снял с плеча бурдюк, вытащил затычку, подал Сиантоли.

– Начинай, командир.

²⁰ Тачин-Чтан – сейчас хребет Партизанский на юге Приморского края.

Сиантоли отхлебнул кислого вина, противного, но прохладного, повторил, передал соседу. Было заметно, что Хохотун и Неспешы уже не однажды к бурдюку приложились. Хохотун потирал руки, улыбался и всё никак не решался высказать то, что давно рвалось наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.